

С. М. КУДЕЛКО

ЭСТЕТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ. Л. П. КАЛУЦКАЯ



Общение в коллективе, помимо чисто профессиональных (производственных) отношений, которые зачастую имеют формальную природу, в отдельных случаях приобретает характер некой «школы» (по-разному понимаемой в различные эпохи и в различных научных сообществах), и в этом случае свою важную роль играет эстетика профессионального общения. Прекрасное и безобразное также присущи отношениям в среде историков, как и во всяком другом человеческом сообществе. Мораль, этика поведения часто

соприкасаются с эстетикой, и такое взаимодействие требует к себе внимания.

Несколько десятилетий (50-е – начало 80-х гг. прошлого столетия) образцом корректности и изящества в соприкосновении с окружающими на историческом факультете Харьковского государственного университета имени А. М. Горького была историк (скорее историограф) медиевист Любовь Павловна Калуцкая (1921–1983)¹. Оставляя в стороне анализ ее научного наследия, которое было посвящено историографии средневековой Франции (ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством известного историка профессора Н. М. Пакуля «Политические идеи кардинала Ришелье», была защищена

¹ Л. П. Калуцкая была одинокой, в партии не состояла. В среде харьковской интеллигенции пользовался популярностью кружок, который собирала у себя дома сестра Любови Павловны – Надежда Павловна, куда входили Е. Д. Радкова и др.

в 1951 году). Сосредоточим наше внимание на личности этого историка так сказать с внешней (эстетической) точки зрения.

Мое знакомство с ней началось в 1970 году как студента и продолжалось до ее кончины в 1983 году уже как коллеги. Одно время (с 1975 по 1977 год) Любовь Павловна работала на нашей кафедре, которая носила тогда название «историографии и средних веков».

В студенческие годы я (но, конечно же, мои однокурсники, прежде всего) обратили внимание на ее манеру одеваться: она никогда не приходила на занятия в одном и том же платье. Ее костюм – продуманное сочетание академизма и женственности. Долгие годы студенты и коллеги не могли определить возраст Любовь Павловны, т.к. внешне она десятилетиями казалась в одном возрасте. Как это ей удавалось остается только гадать.

В ее манере держаться в аудитории было нечто скованно-сдержанное, аристократически-отдаленное. Она никогда не сближалась со студентами, называла всех исключительно на «вы», но при этом была предупредительно-любезной, подчеркивая дистанцию, которую иные преподаватели демонстративно разрушали, показывая себя «своими» и демократически доступными.

Не могу судить о качестве ее лекций, т. к. западноевропейское средневековье меня мало интересовало. Остались в памяти бесконечные войны, династические споры, религиозные противоречия. Помню, как кто-то из студентов задал Л. П. вопрос: «как правильно делать ударение в фамилии М. Стюарт, на первом или на втором слоге?». Она ответила: «Видите ли, в английском языке, а она была английской королевой, ударение делается на первом слоге, но Мария Стюарт – шотландка по происхождению, а у шотландцев, как и у французов, ударение будет на втором слоге. В общем, как Вы не скажите, все это будет правильно, если, конечно, сможете это объяснить своему собеседнику».

Во время моего ответа ее коллеге, также медиевисту доц. Г. В. Фризману, мне выпал на экзамене вопрос о средневековых университетах Западной Европы. И экзаменатор попросил меня рассказать ему об устройстве первых западноевропейских университетов. Отвечая на вопрос, я сказал, что возьмем, к примеру, университет во Флоренции, на что, обратившись к присутствовавшей на экзамене Л. П. Калуцкой, Генрих Венецианович спросил, а разве во Флоренции в тот период

был университет? Л. П. ответила: «Очень короткое время». Дома, после экзамена, я уточнил этот вопрос и убедился, что действительно во Флоренции университет возник в XIV веке, но уже в XV был переведен в Пизу, она была права.

Любовь Павловна с вдохновением вела кружок по истории средневекового искусства, который посещали студенты, стремившиеся разобраться в классическом европейском художественном наследии. Больше всего ее интересовали проблемы высокого Возрождения. Уже после окончания университета, она как-то на кафедре дала мне совет: «Вам, Сережа, я рекомендую заняться искусством». Но у меня тогда были уже другие обязательства и планы. Интересно отметить характеристику известного российского медиевиста Л. М. Баткина¹ – ученика Любови Павловны, о ее значении в его судьбе. Опуская крайне негативное (и по-моему мнению предвзятое отношение к историческому факультету Харьковского университета его времени) воспроизвожу его оценку Л. П. Калущкой: «С 1952 г. мне довелось слушать общий курс, а затем и специализироваться по западному средневековью, у молодой (ныне тоже, увы, давно покойной) Л. П. Калущкой. Совершенно выпадавшая из обстановки помянутого зверинца, застенчивая до густого румянца, всем существом своим тихо ненавидевшая советский режим, интеллигентная и трудолюбивая Калущкая свою диссертацию о «Завещании» Ришелье готовила (если не ошибаюсь, в заочной аспирантуре) под руководством проф. Александры Дмитриевны Люблинской. Именно дорогой Любове Павловне Калущкой я и оказался всецело обязан знакомством с Люблинскими вкуче со всеми воспоследовавшими питерскими чудесами. Вот как сложилось их начало. Весной 1953 г. я заканчивал третий курс и Л. П. загорелась желанием переслать два моих студенческих опуса, включая курсовую работу об «идеологии Данте» Александре Дмитриевне дабы узнать ее мнение» [1, с. 224].

Во время нашего тесного общения на кафедре (а я был оставлен на факультете именно по кафедре истории средних веков на ставке,

¹ Л. М. Баткин (р. 1932) – российский историк, доктор исторических наук, профессор, литературовед, культуролог, общественный деятель, действительный член Американской академии по изучению Возрождения, Лауреат премии по культуре за 1989 Совета министров Итальянской республики (за книгу о Леонардо да Винчи). Окончил Харьковский университет в 1955 г.

которая оказалась вакантной после отъезда в Москву для учебы в аспирантуре МГУ П. Н. Щербаня¹), мне пришлось готовиться к проведению практических занятий по основному курсу «история средних веков» (разбор «Салического закона» – памятника обычного права салических франков и т.д.), проверять большое число курсовых работ по истории средних веков и даже уже зашла речь о подготовке квалификационной работы по данному направлению, но зав. кафедрой проф. И. Л. Шерман быстро меня переориентировал на историографию и источниковедение.

В этот период я особенно близко мог рассмотреть образ Л. П. Калущкой. Во всех ее движениях, манере говорить было что-то утонченное. Особенно замечен был контраст при сравнении ее, например, с заведующим кафедрой И. Л. Шерманом, который отличался резкостью в суждениях и многие слова, нелицеприятные для собеседника, высказывал ему прямо в лицо. Помню такой эпизод, когда во время довольно неприятной сцены на кафедре, Исая Львович обвинил нас в том, что у него со стола «похитили статью». Потом я догадался, что это была уловка, чтобы лишить нас ключей от кабинета зав. кафедрой, т.к. его раздражало, что мы, преподаватели, все время маячили перед его глазами. После заявления И. Л. возникла неловкая пауза. Любовь Павловна, которая сидела в кресле как раз напротив заведующего, ответила за нас всех: «Исай Львович, но нельзя же жить, подозревая всех в краже». Он ответил: «Вас я не подозреваю». На что Л. П. парировала так: «Однако во всех детективах преступником оказывался именно тот, кого меньше всего подозревали». Так изящно Л. П. вывела нас из этой неловкой ситуации. И во многих других случаях она, всегда становилась на защиту тех преподавателей и студентов, вина которых не была однозначно доказанной.

Помнится и такой эпизод. Л. П., находясь под впечатлением только что закончившегося кружка, где рассказывалось об истории Лувра, когда разошлись студенты и остались мы втроем (вместе с И. Л. Шерманом, который писал какой-то текст), вслух сказала: «Как мне хочется опять побывать в Париже». И, спохватившись, спросила: «Исай Львович, Вы бывали в Париже?». Тот (лишенный

¹ П. Н. Щербань, впоследствии декан и зав. кафедрой исторического факультета Сумского государственного педагогического университета имени А. С. Макаренка, защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Наемные рабочие английских городов XVI – начала XVII ст.».

всякой сентиментальности), не отрываясь от своих бумаг, коротко, не поднимая головы, ответил ей: «Был». К сожалению, никогда после, в течение нашего долгого знакомства, он не рассказывал мне о своих визитах в Англию, Францию, Швецию и другие страны, где побывал.

Мне трудно не только оценить научный вклад Л. П. Калуцкой, но и ее как преподавателя. Не скажу также, что ее лекции были самыми популярными на факультете. К этим последним тогда относились занятия, которые проводили В. И. Астахов, С. И. Сидельников, Н. П. Подлесный, Ю. Г. Литвиненко и некоторые другие, но, несомненно, что именно формой своего поведения, манерой общения, культурой речи и даже безукоризненным подбором своего гардероба, она оставила заметный след в памяти многих поколений студентов. Она не была эстетом с негативным (эпатажным) оттенком, можно с полной уверенностью утверждать, что уже само пребывание такой личности, какой была Любовь Павловна, исторический факультет был обогащен с эстетической точки зрения.

Показателен и трагический эпизод ее преждевременного ухода из жизни. Любовь Павловна никогда не вела никаких разговоров о здоровье и никогда не пропускала занятия или другие формы университетской работы из-за болезни. В этом она мне напоминала знаменитую актрису Аллу Тарасову, которая всегда являлась в театр задолго до спектакля и на протяжении нескольких часов готовилась к нему.

Любовь Павловна всегда и везде демонстрировала ровность настроения, неизменную доброжелательность, избегала даже малейших намеков на какие-либо обстоятельства ее личной жизни. Это-то ее и подвело. Почувствовав себя неважно в начале 1982/1983 учебного года, она решила не изменять себе и довести этот учебный год до конца, чтобы во время длительного преподавательского отпуска заняться своим здоровьем. И ей действительно удалось выполнить свое решение. Но когда в июне 1983 года она обратилась к врачам, оказалось, что болезнь зашла слишком далеко и не подлежала лечению. Она стала жертвой собственной педантичности и стремления всегда быть образцом безукоризненного с любой точки зрения преподавателя.

Литература

1. *Баткин Л. М.* Начинаящий медиевист из провинции – в гостях у Люблинских / Л. М. Баткин // *Одиссей: Человек в истории.* – М., 1998. – С. 223–245.
2. *Калуцкая Любовь Павловна* // Кафедра историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина – 35 лет: биобиблиогр. указ. / [сост. Б. П. Зайцев, С. М. Куделко, С. И. Посохов, В. Д. Прокопова]. – Х., 1999. – С. 91.
3. *Калуцка Любов Павлівна* // *Біобібліографічний словник учених Харківського університету* / [уклад. Б. П. Зайцев, С. І. Посохов, В. Д. Прокопова та ін.]. – Х., 2001. – Т. 2: Історики. – Ч. 2: 1933–2000 рр. – С. 190–192.
4. *Калуцкая Любовь Павловна* // Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. 30 лет / [авт.-сост. В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан]. – Х., 2008. – С. 46–47.